

Семен Юшкевич

АВТОМОБИЛЬ

Семен Юшкевич

АВТОМОБИЛЬ

«Public Domain»

1922

Юшкевич С. С.

Автомобиль / С. С. Юшкевич — «Public Domain», 1922

«И вдруг, словно мир провалился на глазах Малинина. Он дико закричал. Из-за угла стремительно вылетел грузовик-автомобиль и, как косою, срезал Марию Павловну. В колесе мелькнул зонтик. Показались оголенные ноги. Они быстро и некрасиво задергались и легли в строгой неподвижности. Камни окрасились кровью...»

Семен Соломонович Юшкевич Автомобиль

В мире происходили события необыкновенного значения и глубочайшего смысла, все ежедневно напоминало о них, газеты в осторожных, но значительных статьях предсказывали что страшное, небывалое, уже слышался подземный гул приближавшейся грозы, а у гласного Н-ской думы, Сергея Ивановича Коврова, как и ранее, чтобы провести приятно время, в приемный понедельник собрались гости.

Одни, а их было меньшинство, с озабоченными лицами, обсуждали события. Это были общественные деятели, преимущественно правого направления, к которым косвенно принадлежал и Сергей Иванович, люди солидные, немолодые и богатые. Сергей Иванович часто подходил к ним, присаживался на минуту, вставлял слово и шел к другим гостям, весь какой-то сытый, мягкий, приятный и, как всегда, в идеальном расположении духа. Барышни ловили его и говорили комплименты.

В гостиной было два центра, если не считать карточного, в прилегавшей к гостиной небольшой, уютной комнате, где играли в винт и в покер, – теософический-спиритический и флиртовый. Веселее всего было в последнем.

В теософическом центре спорили на мистические темы и готовились к вызыванию духов. Здесь Сергей Иванович пользовался большим почетом и имел про запас сколько угодно чудесных, необъяснимых с реалистической точки зрения рассказов, которые всегда производили впечатление.

В карточной героями сегодня были рыжая с седеющими волосами дама, которую за глазами называли «ерундой», но никогда по имени, и карточный неудачник в синих очках, Земельский, агроном. Об этом странном обстоятельстве шутники собирались основательно поговорить за ужином, который подавался ровно в полночь.

Наибольшее оживление царило в эротическом центре. Общество здесь составляли молодые дамы и самостоятельные девицы, два журналиста без направления, просто молодые люди, несколько художников, одни реалисты, к которым причислял себя некий Журавский, красавец, писали картины исключительно эротического содержания, – другие, убежденные модники, кубо-футуристы, два офицера, приехавшие на поправку, отпуск которых уже кончался, и присяжные поверенные, среди которых выдавался Петр Федорович Рогожский, стоявший на пути к известности. Он только что пришел со своей молоденькой женой, Марьей Павловной, и снисходительно прислушивался к фразам, иногда колким, иногда глупым, которые бросал кубо-футурист в желтом галстуке одному лысенькому, молодому присяжному поверенному, имевшему несчастье уважать футуристов и все кубо-футуристическое направление.

Рогожский с твердостью молчал и не вмешивался в разговор, хотя знал, что мог бы уничтожить футуриста и сделать его смешным в глазах дам, но ему не хотелось помочь присяжному поверенному, который был ему несимпатичен. Была тому и другая причина, более основательная: положение не позволяло. Он был слишком уже солиден и серьезен, чтобы вступать в состязание с молодым человеком. И он с грустью и с тайной завистью подумал, что ему уже тридцать шесть лет и что такому не место среди молодежи. Посидев для приличия еще несколько минут, он поднялся и с ледяной улыбкой на лице пошел к спиритам, к которым питал тайное влечение. Петр Федорович был очень эффектен. Высокий, плечистый, хорошо упитанный, с холодными карими глазами и чрезвычайно серьезный, он всем видом своим внушал, что знает себе цену и не тратит попусту слов, что он есть то стоящее выше всех людей существо, над которым не имеют власти житейские мелочи и все остальное, что отрывает избранного от его высокой цели. Спириты приняли его радушно и сейчас же втянули в разговор. Он находился и стать ронять слова.

На широком диване, не давая ни на минуту подозревать, что кокетничает, но кокетничая, сидела жена Рогожского, Марья Павловна, молодая, очень свежая с наивно-лукавыми черными глазами, женщина, скромно декольтированная и с прелестными, очень белыми маленькими руками, которые она искусно всем показывала. Рядом с ней в небрежной позе сидел молодой поручик, Александр Петрович Медведский, вполне оправившийся от раны, полученной в бою и весело проводивший последние дни перед отъездом на фронт. Говорил он, чуть запинаясь, что очень шло к нему, но развязно и уверенно, точно в мире никого выше его не было. Он совершенно завладел Марьей Павловной. Красавец Журавский от ревности встал и пошел в карточную.

Недалеко от Марьи Павловны, но так, что она его не видела, рассеянно перелистывая принесенный кем-то альбом с рисунками, сидел художник мистик, Малинин, с блестящими, как зеркала, глазами и от времени до времени бросал на нее пламенные взгляды.

Никто и ничто в этом доме его не интересовало, кроме нее. Он поддерживал разговор из приличия, но больше молчал, совершенно счастливый, что сидит с ней в одном доме, что дышит с ней одним воздухом.

Его сдержанность и угрюмость невольно отталкивали каждого. А он радовался этому, радовался своему одиночеству среди веселья, шуток и смеха. Он мог думать о своем, наслаждаться близостью к ней и страдать от безнадежности. У него захватило дыхание, когда поручик, взяв уверенно из чьих-то женских рук веер и небрежно играя им, наклонился к Марье Павловне.

«Как это ему легко дается, – подумал он, – а я бы не сумел, не посмел».

– Я никогда не мог предположить, – сказал Медведский, – что пустячок какой-нибудь может так преобразить, так украсить целое...

Он нарочито не окончил фразы и вдруг лукаво и мило улыбнулся с таким видом, будто имел право на фамильярность и на откровенное лукавство с Марьей Павловной.

– О чем это вы говорите, – чуть холодно отозвалась Марья Павловна, поняв, что он намекает на восхитительное пятнышко на ее щеке, так как эту же фразу он уже сказал ей на прошлой неделе в другом доме.

– Но об этом спиритическом столике, – с деланной наивностью, точно ни о чем другом не думал, ответил Медведский и посмотрел на нее своими привлекательными, но злыми голубыми глазами. – Согласитесь, что без этой редкости гостиная потеряла бы три четверти своей прелести, – и он насмешливо указал на столик, на спиритов и теософов и презрительным взглядом пронзил спину Рогожского, которого он искренно ненавидел за то, что тот был мужем нравившейся ему женщины.

«А он и зол и не глуп, – подумала Марья Павловна, – и перехитрил меня. Ведь я только притворилась, что не хочу услышать комплимента, и у меня теперь должно быть глупое лицо. Сделаю вид, что поверила ему».

– Вы еретик, – погрозив ему пальчиком, сказала она. – Разве можно так непочтительно отзываться о священном столике?

«Нет, она в самом деле глупа и ненаходчива, – подумал Медведский. – В ней только и хорошего грудь да губы, да еще это чертовское пятнышко на щеке. И если она всегда так умело защищается, то хлопот с ней будет немного..».

В ответ он смело и откровенно посмотрел ей в глаза, и увидев, что она смутилась, окончательно решил, что она будет принадлежать ему. Малинин невольно видел и слышал все и нескананно страдал.

– А вы верите в столик, – игриво сказал Медведский, что означало: «Вы мне ужасно нравитесь, особенно пятнышко».

– Это допрос? – спросила она в том же тоне, и подумала: «Он мне чуточку нравится, но неприятно, что так дерзко смотрит на меня».

– Нет, Марья Павловна, не вопрос, но явления потустороннего мира для меня проблематичны. – Что опять означало: «Я не в силах оторвать от тебя взгляда, хотя это грубо и не деликатно. Я не знаю, чем бы пожертвовал за право положить руку тебе на грудь. Но ты позволишь, скажи, что позволишь! Я пойму».

– Вы ужасный материалист, – ответила она, покачав несколько раз головой и подумала: «Роман, нет, нет, никогда. Никому не дам ни обнять, ни поцеловать себя. Мне приятна только охота на меня. Он славный, милый охотник, и мне хорошо с ним».

Их вибрирующие голоса были полны электричества. Невидимый ток соединил обоих на один коротенький, головокружительный миг. Они невольно наклонились друг к другу. Он заговорил тихо:

– Ну, конечно, я материалист, Марья Павловна, вы должны были догадаться об этом. И я все время стараюсь заполнить пропасть, лежащую...

– Какая пропасть, что вы болтаете, – чуть испугавшись, оборвала она его и осторожно отодвинулась, чувствуя, что его глаза гипнотизируют ее.

«Он необыкновенно самонадеян, но все-таки в нем есть что-то приятное и неотразимо привлекательное», – успела она подумать, и вдруг оглянулась. Ей показалось, что кто-то сказал: Маша! Глаза ее встретили пламенный взгляд Малинина.

«Какой несимпатичный, – подумала она, – кто это? Ах, вспомнила, Малинин! Зачем он так смотрит на меня? Но кто же это позвал меня?»

Медведский, сбоку глядя на нее, спрашивал себя: «Неужели это восхитительное существо спокойно раздевается при своем деревянном муже, ложится с ним в кровать?»

Он посмотрел на Рогожского и увидел, как тот поднялся и присел к помещику Раевскому, еще крепкому и стройному, как сосна, старику, яркому крепостнику, которого здесь не любили, но боялись и уважали.

«Этакая пирамида, – злился Медведский, – его пулей не пробьешь. Хорошо бы утянуть у него жену, да куда с ней денешься? Разве в Крым увезти? Да ведь надо на фронт ехать», – с неприятным чувством вспомнил он.

И Марья Павловна смотрела на мужа. По знакомому выражению на его лице она поняла, что он говорит «умные слова», и ей стало скучно. Она отвернулась, вдруг притихшая, потерявшая настроение и блеск.

Малинин, все рассматривавший альбом, порывисто обернулся и широко раскрыл глаза. Он ясно услышал свое имя, произнесенное ее голосом «Я с ума схожу, я галлюцинирую, – подумал он, – а может быть и позвала, не сама она, а ее душа. Я ведь все время говорю ей: „я ваш, я ваш“. Она услышала. Ее „я“ уже знает, что для меня весь мир – это она, что она мне дороже собственной души. О, как хорошо».

И он перестал смотреть на нее, но видел ее до последней черточки и радовался. Молодые люди и девицы, сидевшие вокруг него, наполняли гостиную милым шумом своих голосов и золотого смеха, и это так славно сливалось с его радостью. И молодая душа голосов и золотой смех, и радость в нем, и вообще все вместе было подобно тем картинам, которые он писал, картинам без формы, без линий, чистым, красочным грезам, душой Вечно Единого.

Рогожский возражал Раевскому. Тема его ни в какой степени не интересовала, но он мог о чем угодно говорить с весом и значительно, с побеждающей искренностью. Заложив за низко вырезанный жилет тяжелые пальцы своей левой руки, – он только с пальцами за жилеткой мог говорить, – Рогожский так закончил беседу:

– Да, уважаемый, это неизбежно, мы все взлетим на воздух, если добровольно не отдадим мужику земли. Вот погодите, что будет, когда он с войны вернется. И первыми будете взорваны вы, упрямыцы. Времена Александра Второго прошли безвозвратно, а о революции найдется кому позаботиться. Не забудьте, что Россия уже сто лет раскачивается для прыжка. Сто лет! Запоздавшие революции самые свирепые.

– Ошибка была в том, что раскрепостили крестьян, – угрюмо и с недобрим огнем в глазах сказал Раевский. – Я бы их... раскрепостил!

– Поздно вспомнили, – рассмеялся Рогожский.

– Никогда не поздно. Дайте мне нынче власть, и я берусь в полгода снова их...

Он сделал красноречивый жест и так и остался со сжатым кулаком.

– Вот власти-то вам и не дадут, – снова рассмеялся Рогожский, – а если так, не стоит и горячиться.

Раздалось тихое шиканье. Петр Федорович оглянулся и увидел Сергея Ивановича, делавшего распоряжения прислуге.

«А, сеанс, – подумал он, – надо не пропустить места».

На середину гостиной был вынесен маленький столик. Вдруг потухло электричество. Рогожский проворно поднялся и тихонько побежал захватить стул в цепи.

* * *

Рогожские уехали сейчас же после ужина. Марья Павловна, сев в коляску, посмотрела на Петра Федоровича тем взглядом, которым смотрит актер, снявший, после хорошо сыгранной роли, грим с лица. Ей хотелось поделиться с мужем тем, что она заметила смешного в окружавших ее у Сергея Ивановича людях, посмеяться над Раевским, передразнить самого Сергея Ивановича, изобразить, как ела та рыжая дама, которую называли «ерундой», и еще, и еще, но всмотревшись в лицо Петра Федоровича, поняла, что он сейчас не расположен к разговору, и оставила его в покое.

Петру Федоровичу действительно не хотелось говорить. Он испытывал состояние человека, у которого хороший вкус во рту от прекрасного ужина, и счастливое настроение духа от удачи. Удача же случилась во время спиритического сеанса, когда он незначашими, но полными тайного смысла словами, спросил у духа, выиграет ли столь нашумевшее в городе дело, которое для защиты казалось трудным и сомнительным... Некто Цыварев обвинялся в убийстве и ограблении вдовы, купчихи Столовкиной, женщины очень богатой, но эксцентричной и неразборчивой на знакомства. В кружке Столовкиной Цыварева называли ее другом. Одни утверждали, что он был ее любовником, другие отрицали это, но точно никто не знал их отношений. При обыске у покойной найдена была записка Цыварева. В ней Цыварев умолял Столовкину одолжить ему денег, угрожая при отказе застрелиться. Обыск у Цыварева дал материал обвинению. Найдены были деньги, которых, если основываться на его собственной записке, у него не могло быть. Были и другие улики, правда, менее убедительные и все это надо было распутать. Петр Федорович взялся за это дело с жаром, потому что из разговора с Цываревым он вынес твердое убеждение в его невинности, и еще потому что выиграв этот взволновавший общество процесс, он становился ближе к главной цели своей жизни, к славе и ко всему, что слава приносит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.